

БОРИС СКОТНЕВСКИЙ

СТО
ОДНО
СТИХОТВОРЕНИЕ

Литературное агентство
Вячеслава 2013 Смирнова

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 5
ISBN - 85234-164-0

Борис СКОТНЕВСКИЙ.
«СТО ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ». –
Тольятти, Литературное агентство В. Смирнова,
2013. – 120 с.

© Б. Скотневский, 2013
© М. Шляпина, 2013
© Литературное агентство В. Смирнова, 2013

Какие были времена, –
Любовь прозрачная, сквозная...
Не знал великих имена,
Но знал, чего теперь не знаю.

Там где асфальт, там где бурьян –
Бродил и весел и доволен, –
И только Родиной был пьян,
И только музыкой был болен.

Потерялась счастливая нота,
И судьбу не сыграешь с листа.
Голос умер.

Немóта. Немóта.
Звук исчез.

Пустота. Пустота.

Только бьется душа, вырастая
Из неясных мучительных снов,
Как высокое небо – пустая,
И немая – как песня без слов.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Погиб поэт!

Опять?! Опять...

И на устах его печать,
И мгла его невеста.
С такой отъявленной тоской, —
Между Уралом и Москвой
Ей не хватило места.

Взлетел он в рай?

А может, в ад,

Сошел,

шатаясь,

наугад

С петлей или наганом.

Он словом к музыке привык, —

Что русский сделал ты, язык,

С еврейским мальчуганом.

Что сделала родная ширь

Во весь Урал, во всю Сибирь

Продутая до свиста, —

Но разве ж виновата даль,

Когда душе мила печаль,

А счастье ненавистно.

И родилась такая боль,
Что не помог ни алкоголь,
Ни женщина, ни слава...
Течет-течет река Исеть;
А что такое жизнь и смерть
Мы представляем слабо.

И здесь у края бытия
Мерцает лампочка твоя
В каких-то нежных ваттах.
А ты летишь сухим листом, —
И виноватых нету в том,
Нет в мире виноватых.

Виновных в нашей боли нет,
И в этом может быть ответ
На все, — мы дышим кровью.
Хоть прекословь, хоть сквернословь —
В боль превращается любовь,
Чтоб снова стать любовью.

Погиб поэт, что на Руси —
Не новость. Господи спаси!
Печаль не терпит крика...
Зато над каждую душой
Он нынче дождик небольшой,
И тайна.

И музѳка.

Я пойду, куда не знаю сам, –
По лесам пойду, по берегам,
Доверяя собственным глазам,
Доверяясь собственным ногам.

Просто буду топтать по земле,
Просто буду видеть все вокруг,
Просто ветер засвистит во мне,
Позабыв про север и про юг.

Позабыв про запад и восток,
Побреду я вдоль и поперек, –
По камням, по глине, по стерне...
Синий воздух запоеет во мне.

И.П. Орлову

Не кричите, певица,
В ресторане ночном.
Я люблю находиться
На вокзале речном.

Никому не мешаю,
Ничего не хочу.
Сам себя утешаю,
Сам с собою шучу.

Головы не повесил, –
Не пропал и не пан,
Я тихонечко весел
И немножечко пьян.

В беспредельной отчизне
Нет родимей угла, –
Все – от смерти до жизни:
Света, грусти, тепла,

Встреч, прощений, прощаний,
Пароходных гудков,
И пустых обещаний,
И летящих шагов.

Я еще пошатаюсь
По своей стороне.
Я еще покачаюсь
На упругой волне.

Темнота. Темнотица!
Огонечки вдали...
Красота. Красотица –
От звезды до земли.

Плеск. Мерцанье. Раздолье.
И глазам горячо, –
Столько ветра и воли...
И чего-то еще, –

Что в словах не докажешь
Никогда – никому,
Лишь с душою увяжешь,
Улыбнувшись во тьму.

Будто главную тайну, –
Тайну звезд и могил
Разгадал я случайно
И случайно забыл.

Будто память – навеки.
А любовь – на века.
И не темные реки,
А родная река.

Будто жизнь повторится,
Засмеется навзрыд...
Что умолкла, певица?! –
Ресторанчик закрыт.

РЕКИ

Вытекают из чистой печали
И в конце растворяются в ней.
Я люблю их как в самом начале,
Может, только нежней и больней.

Потому что, прощаясь навеки
И теряя отчаянный пыл,
Полюбил невеликие реки,
А великие не разлюбил.

ЗАПАХ

1.

Выходили из сельского клуба,
а в сених –
щемящий запах ночного воздуха,
смешанного с папиросным дымком
и дешевенькими духами...
От сотен фильмов, увиденных здесь –
одни обрывки, а запах помню целиком, –
вдыхал бы и вдыхал.
Но клуб разобрали
до бревнышка.
Остался только воздух –
пустой, без дымка...
И память
о запахе юности и надежды.

2.

Счастливым запахом родины сквозит
Из всех щелей заброшенного дома,
Здесь половица каждая знакома
И каждая по-своему скрипит.

И время беспощадное звенит,
И души уплывают невесомо
Сквозь потолок в неведомый зенит...
И тонкий запах Родины и Дома.

3.

Родина состарилась со мною вместе.
Я ее найду на том же месте,
Я найду ее на той же почве
Возле магазина, а, может, на почте.
Отыщу ее не по востоку – западу, –
Только по запаху, единственному запаху,
Которого осталось на свете так мало.
Родина состарилась, словно мама.

Великоросская тоска
Не характерна для еврея, –
Зачем же вена у виска
При слове «Суздаль» иль «Москва»,
Стучит больнее.

И роднее
Становится вокруг простор,
И нежность застилает взор,
И хочется прощать, прощаться...
Еврей ли, русский – все одно;
Чуваш, мордвин... Почти темно –
И луч последний есть для счастья.
А где-то там шумит Москва,
Мерцают Ярославль, Владимир...
Великоросская тоска
не умерла...

И я не вымер.

Помню яблоки – алый анис,
Помню сад молодым и счастливым
И дорогу, летящую вниз
Мимо кладбища к синим заливам.

Помню в камни вцепившийся лес,
Помню ветер, пропитанный Волгой,
И рассвет вполону небес,
И волнушки в расщелине волглой.

Помню страсть парходных басов,
Комариные трели моторок.
Помню солнечный крик петухов
И мышинный чуть слышимый шорох.

Помню снег, что отчаян и смел
Шел со мною, листву заметая...
Помню все, что забыть не сумел,
От любви сам себя забывая.

ВОСПОМИНАНИЕ

Морозище. Дымок над крышей.
Закат стремительный и рыжий.
И тонкий запах чистоты,
И тень длиною в полверсты.

И лай собак, и сектор частный,
И я, – счастливый и несчастный,
Портфель тетрадами забит,
И душу смертную знобит.

И я один, и где же люди,
И я без водки во хмелю, –
Еще никто меня не любит,
А я уже весь мир люблю.

Не осталось ничего, ничегошеньки
От всего, куда несли меня ноженьки.
Ни залива не осталось, ни лодочки,
Ни счастливой по-над склоном походочки.
Только память, только боль, только времечко,
Да паленый алкоголь давит темечко.
Да пространство без пути и дороженьки,
И родного не найти ничегошеньки.
Но великая вода тянет сыростью,
А прожитая беда веет милостью.
Да еще не вышел срок горькой нежности.
И родимый ветерок из безбрежности...

Я, наверно, очень старый человек,
Я живу уже который раз подряд –
И не помня век, я помню этот снег...
И лица не помня, помню этот взгляд.

Я забыл про то, как прежде уходил, –
Умер сам

или дубинкой по виску,
Или нож мне прямо в сердце угодил,
Или пуля улеглась в моем мозгу.

Я забыл, – то был закат или разбег.

Я забыл – в перины рухнул

или в грязь...

Только помню, что я старый человек.

И боюсь, что я живу

в последний раз.

Ни Коли, ни Сережи.
Ни века. Ни страны,
Где были мы моложе.
И нет
 ничьей
 вины.

Москва! И май в разгаре.
А вот и мы втроем
В тенечке на бульваре
Достойно водку пьем.

Без мата-перемата
И прочего дерьма.
И тема наша свята –
Поэзия сама.

Потом в троллейбус сели,
Добавили чуть-чуть.
Ваганьково. Есенин.
Стихи.

 Бутылки.
 Муть...

Ни Коли, ни Сережи...
И я не виноват,
Что жизнь сложилась строже, –
Не слишком наугад.

Но вновь как дрожь по коже
Вдруг память обожжет –
Ни Коли, ни Сережи
Уже четвертый год.

Они свое сказали –
Как жили и смогли.
По ним свои печали
У матери-земли.

У каждого своя жизнь,
И, значит, – смерть своя...
Копи на сердце тяжесть
И поминай, любя.

Не потешить бы вас, распотешить,
А хотел бы я, Боже прости,
Не спасти, но хотя бы утешить, —
А, утешив, быть может, спасти!

И себя, дурака, и планету,
И старуху в убогом пальто,
И дворнягу, и женщину эту,
Хоть ее и не любит никто.

Ночь за окнами ползет глухая.
Темень – не заметишь, что ослеп.
Никого ни в чем не упрекая,
Выпью! Водка, огурец и хлеб.

Вспомню! Мир бессмертен и духовен...
И пойду шататься, например,
В эту ночь, глухую как Бетховен,
В эту тьму, слепую как Гомер.

Над Волгой золотистый дым, —
Его я помню молодым
И снова понимаю кровью
Как дым становится любовью.

Ногой ступил на вечный ил,
Обиды вспомнил

и забыл...

Но всею принимаю кровью,
Что дым

становится

любовью.

МОЛИТВА

Разреши, Всевышний,
Без монеты лишней
С нежностью и болью
Пошататься вволю.
Не навек остаться,
Просто пошататься
По земле по милой...
Господи, помилуй.

Обижали меня, обижали, –
Как с короткой цепи сорвались.
Унижали меня, унижали,
А душа подымалась ввысь.

А теперь мне удачи желают,
И глядят уважительно вслед...
Но собаки бездомные лают,
И душа подвывает в ответ.

памяти Бориса Рыжего

Лампочка и мотыльки над ней, —
Ничего не вспомнил он родней.
Над подъездом лампа в сорок ватт.
В памяти никто не виноват.
Млечный путь... А в лампе сорок ватт.
Бог простит — никто не виноват
Во вселенском счастье и тоске,
Если дело в каждом мотыльке...

СВОБОДА

Родные бездорожья, –
Хоть Царь, хоть Секретарь,
Хоть Президент... Я – Божья
Тоскующая тварь.

А память все дороже,
А душу все жальчей...
И раб я – только Божий,
А более ничей.

Без надежды и без коварства
Чую родину сквозь государство.
Слышу песни ее и душу,
Вижу реки ее и сушу.

Где ж вы, царства и секретарства?
Упоительное лекарство –
Без надежды и без коварства
Слушать родину сквозь государство.

День прошел и круг замкнулся.
Я чему-то улыбнулся.
И на звезды посмотрел.
И опять не озверел.

ГОДОВЩИНА

*О, не буди меня,
Дыхание весны...
Из оперной арии*

Так прозрачно и тепло, –
Не ноябрьская погода...
Здесь уже четыре года –
Сколько там, отец, прошло?

О дыхании весны
Пел ты так непобедимо...
Сколько там сторон, родимый, –
Здесь четыре стороны.

Здесь обрушились листья, –
А вчера лишь – пахли почки.
Я послал по вечной почте
Грамотку из бересты.

Сквозь дыхание весны,
Сквозь дожди и сквозь морозы, –
Но туда – одни вопросы,
А оттуда – только сны.

Не ноябрьская погода...
Здесь уже четыре года, –
Сколько там, отец, прошло?
Так прозрачно
и тепло.

Пред мелодией живой,
Перед музыкой нетленной –
Я с поникшей головой,
Но с улыбкою блаженной.

Слава Богу, все прошло, –
Отболело, отметалось,
Трын-травую поросло...
Только музыка осталась.

И никто не воскресит,
И ничто не воскресает.
Где-то музыка звенит,
Снова музыка спасает.

Тревожный гул пространства
Бредет сквозь тишину
Так горько и так страстно,
Как будто на войну.

Пропитан мелкой дрожью,
Свирепость затая,
Бредет по бездорожью...
А с ним любовь моя.

Вселенная... Какое чудо!
Я в никуда из ниоткуда
Иду в могучей тишине,
И вся Вселенная во мне.

И нету никого на свете,
Чтоб на один вопрос ответить, —
Веселый и простой вопрос:
Куда же Бог меня занес?!

Бедный мой, душевный человечек,
С вами говорит автоответчик.
Вы оставьте фразы, чувства, мысли...
Чтоб они в небытии зависли.

Опять с недобритою рожей
Бреду я куда-то, сопя.
И снова так жалко прохожих,
Проезжих и даже себя.

С какою-то нежной печалью,
С каких-то не местных высот
Я лица едва различаю,
Но вижу как время течет.

Какое родное течение:
И ветер, и свет, и вода.
Какое печальное зренье...
Какое имеет значенье,
Что я не спешу никуда.

Два еврея под окном
Пили поздно вечером.
«Надо когти рвать скорей», –
Первый говорил еврей, –
«Потому что ни хера
Не дождешься здесь добра».
А второй ему в ответ:
«Ни когтей, ни смысла нет.
Пусть Россия не жена,
Жизнь одна. И смерть одна».
Я был мал и не удал –
Все же маху я не дал, –
Кое-что сумел понять,
То, чего нельзя отнять,
То, чего нельзя купить,
То, чего нельзя пропить,
Без чего всему конец...
Первый был не мой отец.

ПАМЯТИ ОТЦА

1

Он не уедет ни за что,
Ни насовсем, ни в гости.
Наденет старое пальто
На пожилые кости.

Пойдет смотреть во все глаза,
Дышать родимым ветром, —
И наплевать, что это за
Сто первым километром.

Глаза не видят ничего
И ноги ходят еле.
Но добрый дух ведет его
К какой-то вечной цели.

2

Страну почуяв под собой,
Живем, мудреем...
И стал он русской землей,
Хоть был евреем.

Он прожил жизнь не за живот, –
Любовь и слезы.
И стал землей – такие вот
Метаморфозы.

Антисемиты всех мастей –
Равняйся и смиренно!
Склонитесь пред землей своей
Светло и мирно.

Грядущее покрыто мглой...
Когда устану,
Я стану русской землей,
Лишь ею стану.

МАЛЕНЬКАЯ СКАЗКА ДЛЯ БОЛЬШИХ ПАЦАНОВ

Снова нос в табаке,
Снова рыло в пуху...
Из Емелиной щуки
Сварили уху.

Где живая вода?!
Пропит меч-кладенец!
И с Емелей беда...
Тут и сказке п....ц.

Родимые запахи, звуки –
Живущие с первой весны,
Обрывки родной тишины, –
Возьмите меня на поруки.

От мертвого шума спастись,
Расслышать весеннюю воду.
И воздух вобрать как свободу,
И почву почуять как жизнь.

Вот и снова весной молодою
Пахнут льдины живою водою,
Золотыми лучами оплавлены...
И бессмертием пахнут проталины.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Волга. Волны. Морось. Осень.
Что-то ветер закрепчал.
Омик-328
Трется боком о причал.

Как твои дрожали шлюпки
От расстроенных гитар –
Красны девицы! – Не шлюхи.
И не водка – «Солнцедар!»

Как ты шел, груженный чудом,
Светом, ревностью, тоской.
Как ты попевал повсюду,
Мой озерный, мой морской...

От зарплаты до заплаты...
Глядь, а век уже не тот.
Битый, латанный, помятый
Дизель мой, электроход.

Снова Волга. Снова осень.
Вот уже и первый снег.
Омик-328,
Омик-гномик-человек.

2.

Полистав мой синий томик,
Критик из Москвы самой
В нем нашел стихи про «Омик»
И сказал, что «Омик» – мой.

Не с какого-то испуга,
Но как судеб торжество,
Превратимся мы друг в друга –
Он в меня,
а я в него.

Сколько сказочных прозрений
Нам порой дарует стих.
Я не против превращений,
А, особенно, таких.

Не на обской, не на невской,
Но на волжской на волне
Старый «Ом» «Борис Скотневский»
Вам напомнит обо мне.

Чисто-чисто, горько-горько
Протрубит речная даль...
Покатаемся на Борьке!
Поразвеем грусть-печаль.

Я так люблю реки
Текучие воды,
В каждом человеке
Семьдесят процентов свободы.

Я слишком часто смотрю на Волгу,
И за Волгу, за Жигули, –
Слишком часто и подолгу,
Чтоб сослепу не разглядеть вдали:

Как пароходы по Оби
От Бии до губы
И от губы до Бии
Ходят бело-голубые.

А на рассвете розовые
И золотые на закате...
Самоходки. Катер.
И леса – еловые,
березовые.

А Енисей пока не видно.
Но это не горе, –
Мне не обидно
В русском просторе,

Где так много свободы,
Только где человеки?
Я люблю реки,
Текучие воды...
Я так

люблю

реки.

Сверху солнышко нежно печет,
Снизу тянет остудой.
И Дунай все течет и течет
Между Пештом и Будой.

Поменяются нечет и чет, –
Был вождем, стал иудой.
А Дунай все течет и течет
Между Пештом и Будой.

Эти окна мерцают с высот
Изумрудною грудой.
Но Дунай все течет и течет
Между Пештом и Будой.

Есть у каждого точный расчет,
Но смотри, не напутай!
Ведь Дунай все течет и течет
Между Пештом и Будой.

Скоро времечко вынесет счет
Всем делам и надеждам...
И Дунай все равно потечет
Между Будой и Пештом.

Владимиру Макаренкову

Все пронизано светлой водой, –
Здесь рождается Днепр молодой.
Лужи, балки, канавки, ручьи:
Знаешь чьи мы?!

– Да знаю, вы чьи!

Вон за ближним леском полоса –
Это ж Днепр! Чудеса, чудеса, –
То серебряный, то золотой...
Все пропитано светлой водой.

ЧУЖАЯ ВОДА

В родной реке вода чужая
Бежит, меня не узнавая.
И даже камушки на дне
Уже не помнят обо мне.

В родной реке вода живая
Течет, меня не замечая
И пятки лижет малышу,
Пока я в горку ухожу.

Пусть ревет пространство: улю-лю, –
Все равно я помню и люблю.

Пусть сквозят секунды за черту, –
Нежность заполняет пустоту.

На последнем, может, рубеже
Все равно уютно на душе.

До того уютно, Боже мой,
Будто я к себе приду домой.

Убывающий цвет листопада,
Остывающий, тающий свет.
Счастья вечного нет – и не надо,
Потому что и вечности нет.

Все восходит, проходит, заходит
И восходит когда-то опять, –
И на этой бессмертной свободе,
На ненастной, прекрасной погоде
Так волшебно чуть-чуть постоять.

Ночь в октябре беспробудна.
Мрак наплывает на мрак.
Господи, как это чудно!
Господи, радостно как!

Память свою не обидеть,
И под осенним дождем
Тьму золотую увидеть
И помолчать
обо всем.

Владимиру Коробову

Всё. Простились. И слова простые –
До свиданья. Свидимся. Пока...
В поезде, идущем по России,
Хорошо отлеживать бока.

Дребезжат стаканчики пустые,
Сквознячок гуляет над плечом.
В поезде, идущем по России,
Хорошо не думать ни о чем.

Проплывают тени золотые,
Впереди еще неблизкий путь.
В поезде, летящем по России,
Хорошо забыться и заснуть...

Вдруг очнешься! На какой стоянке?!
Темнота. Да кое-где огни.
На чужом продрогшем полустанке
Отчего родные

мне

они?..

СЧИТАЛОЧКА

Вышел месяц из тумана
И опять ушел в туман.
Выну ножик из кармана –
Положу в другой карман.

Бить и резать мы не станем, –
Будь вы эти, будь вы те.
Даже в этом растумане,
Даже в полной темноте.

Асфальт от листьев желт,
И небеса синее.
И снова сердце жжет
Все дольше и больнее.

Ступай через листву,
Слетевшую на волю
Как будто по мосту
Меж нежностью и болью.

Взмывай, листва, лети
И стаями, и розно.
Боли, душа, люби –
Пока еще не поздно.

Покамест сквозь листву,
Слетевшую на волю,
Вернешься по мосту
Меж нежностью и болью.

Ребенок говорит: «БО-БО», –
БОЛЬ и люБОВЬ, люБОВЬ и БОЛЬ...
Язык родной, – ты и в начале
Весь из любви, весь из печали.

Над пустынной рекою светает...
Ты о чем? – Да почти ни о чем.
Просто жизнь потихонечку тает,
Убывая за левым плечом.

И проходит, и машет рукою.
И болит, надрываясь, плечо...
Так светло над пустынной рекою...
Ты о чем? – Я не знаю еще.

Живая строка у меня забылась, –
Под куст закатилась, под лист забились.
Строчка живая – сокровище мое...
Никто
 никогда
 не выдохнет ее.

То ли листья шелестят,
То ли дождики летят.
Слушаю да слушаю –
Рад такому случаю.

Засыпаю не спеша,
И блаженствует душа
В дождиках и шелесте...
Вот такие прелести.

Здорово, муравьи.
Здорово, белобока.
До срока мы свои,
А может, после срока.

Когда доходит вдруг,
Что жизнь нерукотворна –
Так радостно вокруг,
И чисто, и просторно.

И бабочка летит,
И стрекоза мелькает...
Никто – не запретит.
Никто – не отгадает.

Слава Богу, на своих ногах.
Слава Богу, при своих мозгах.
Слава Богу, при своей тоске.
Слава Богу, без ножа в руке.

ПЕРЕПИСЬ

Что за бред окаянный –
Вымирать не спеша, –
Мрут Сереги, Иваны –
Убывает душа.

Может, все перемелем
И Господь нас спаси, –
Вымирают Емели
Во просторах Руси.

В КВНы играем,
Посещаем кино, –
Все равно вымираем
И уходим на дно.

С нами вольная воля, –
Пьем по-русски и бьем.
Но все уже глаголем
И все хуже поем.

Все, что грезилось раем,
Превратилось в говно.

Мы с тобой вымираем
И стихи заодно.

Свет летит с поднебесья,
Но костер наш потух...
А китайская песня
Не ласкает мой слух.

А где-нибудь в Нижнем Тагиле,
Покамест еще не в могиле,
Валяется русский мужик.

Доносятся храпы густые,
Дрожат три бутылки пустые, –
Но он к этой дозе привык.

Когда он очнется – загадка.
Он спит безмятежно и сладко,
Но все же мятеж впереди.

А храпы и прочие хрипы
Все больше похожи на всхлипы
В блатной пролетарской груди.

Я пришел и увидел...
Побеждать – свыше сил.
Пусть кого-то обидел –
Никого не убил.

Ни умножить – прибавить,
Ни отнять – сократить.
Эту боль, эту память
Доберечь,
долюбить...

А была и осталась
(И с собою возьму)
Только острая жалость
Ко всему,
ко всему.

Родная тишина и гул родимый.
И ветер, никогда не бьющий мимо
Души. И запах поля и воды.
И нежность – от былинки до звезды.
И память растворенная в просторе –
Родное счастье не роднее горя...
И мальчик, превратившийся в меня,
Бредет куда-то на излете дня.

Пусть ничего не объяснишь,
И не дойдешь до главной сути –
Глотай предутреннюю тишь,
Все прокуроры спят и судьбы.

Пока идет тишайший снег,
Пока не поздно и не рано,
Пока одна душа за всех
Не спит, открытая как рана.

А что расслышит и поймет
От восхищенья до испуга,
Пока тишайший снег идет –
Так то не наша с ней заслуга.

Так то не наша с ней вина.
Все судьбы спят и прокуроры.
Гудит живая тишина.
И снегопад

ушел
за горы.

Виктору Стрельцу

На душе как в юности тепло, –
Видно ближе бабы, чем бабло.
Знать, уже не станешь подлецом –
Жопой с человеческим лицом.

Денег на пол-литру аккурат, –
Ты мне рад, а я подавно, брат.
Посидим с тобою, погрустим
И имен родных не предадим.

Счастья нет. А воли тоже нет.
Но скажи: откуда тихий свет?!
Словно пред единственным лицом...
Вдруг и я не стану подлецом.

ХУДОЖНИК

Нарисую я желтый квадрат, –
Забирайте скорей в галерею.
Я – Малевича славный собрат,
Я чертить без линейки умею.

Нарисую квадрат голубой, –
То-то будет фантазий и сплетен, –
Набегут «голубые» гурьбой
Восхищаться сокровищем этим.

Что ж, держитесь, друзья и враги,
Вы недаром задумчиво-хмуры.
Есть идея – освоить круги
И дерзнуть на иные фигуры.

Где ж ты, будущий искусствовед?!
Объясняй бедным лохам:

какая

В этом мощь... Я могу и портрет –
Точка, точка, потом запятая.

Пускаю пузыри из мыла, –
Смешная блажь,
а сердцу мило.
Летят веселые шары...
И в каждом мой витает выдох.
Ни о каких своих обидах
Не помню.
Создаю миры.

ПЕЙЗАЖИК

Море – свалка велосипедных рулей...

А. Парщиков

Заметался пожар голубой...

С. Есенин

Поле черное. Стог золотой.
Небо синее. Ветер прозрачный.
Постоянно во мне и со мной
Этот самый пейзажик невзрачный,
Детством схваченный наверняка,
Незамыленным глазом ребенка.
А еще голубая река
Протекала просторно и звонко...

Тихий ужас! Убожество! Мрак!
Импотенция! – Хохот неистов –
Я смотрюсь как последний дурак
Между умников-метафористов.

Милый-милый, смешной дуралей!
Прибегай, мы положим до кучи
В свалку велосипедных рулей –
Пусть про море придумают круче.

Пусть катают шарady свои,
Пусть гоняют свои катафалки.
Мы от свалки рванем до любви,
А они пусть резвятся на свалке,
Разгребая рули...

А пока

Предо мною от края до края
Все течет-протекает река, –
Та же самая. Да, голубая...
Надо мною свистят голоса
И плывут облака кучевые.
Надо мною стоят небеса –
Боже правый, они голубые.

И хранимый родною землей
Я счастливый брожу и не мрачный.
Врете, пидоры: стог – золотой.
Поле – черное. Ветер – прозрачный.
И над местностью нашей не дачной
Заметался пожар голубой.

Наедине с тобою, брат...

М.Ю. Лермонтов.

Все о'кей. Успеху – выше крыши.
Лишь душа опять на самом дне.
Поклонитесь Лермонтову Мише
И побудьте с ним
наедине.

Номинант на «Золотую Крысу»
И «звезда», зажженная на час, –
Постучитесь к Рыжему Борису,
Может, что-то встрепенется в нас.

Никогда я не был лысый,
Мелочь – а приятно.
Никогда я не был крысой, –
На душе опрятно.

Я пока еще не умер, –
Может, облысею,
Но души тревожный зуммер
Слышу кровью всею.

У, какой на улице ветрище.
Ах, какой на кухоньке уют, –
Кот и чайник песенки поют
И вино имеется в жилище –
Приходи: обнимут и нальют...
Но какой за окнами ветрище
И большие капли в стекла бьют,
И никто не помнит и не ищет...
Но какой на кухоньке уют!
Снова хоры стройные поют –
Соловей-разбойник снова свищет.

Не верю. Не надеюсь. Лишь люблю.
Прости безверье за любовь мою,
Но только за нее я отвечаю.
Мне повезло, мне крупно повезло, —
Чужую нежность и родное зло —
Я все тебе заранее прощаю.

Я и не знал, что это так легко,
Чтоб сразу рядом быть и далеко,
И ревность разменять на чашку чая.
Но вот живу, судьбу не торопя,
И отвечая только за себя,
И за тебя, ура, не отвечая.

Возвращаться в любовь – безнадежно!
Но приснился нечаянный сон...
Стало больно и стало тревожно,
Беззащитно с любой из сторон.
Неуютно. Опасно. Я трушу, –
Не помогут ни опыт, ни страсть!
Но не надо спасать мою душу,
Потому что я чую –
спаслась.

Куда нас, родная, с тобой занесло –
Черт ногу ломает, а ангел крыло, –
Такое чужое пространство.
И время чужое, зови не зови, –
И только растерянный голос любви
Дрожит одиноко и страстно.

А с этой дороги не сбиться никак,
И ежели въехал – метаться поздняк.
Бездомно. Бездумно. Безлюдно.
Чужие и ветер, и снег, и поля...

И только любовь абсолютно моя,
моя,

и с того абсолютна!

Безмерно.

Бессмертно.

Уютно.

Так хорошо, так больно на душе –
Любовь была... Она прошла уже.
Но хорошо и чисто на душе, –
Пускай прошла.

Она была
уже.

ИТОГИ

Хоронили Дон Жуана, –
Ни одна блядь
Не заплакала.

Хоронили Дон Кихота, –
Блядей не было.
А плакали все.

Игорю Мельникову

Все слова, слова, слова
И кому какое дело –
Боженька надиктовал?
Иль шпана в ночи напела?

Но хмелеет голова
И в груди тепло и странно,
И обычные слова
Как с небес

ВЫСОКИХ

манна.

ПАМЯТИ ИГОРЯ МЕЛЬНИКОВА

Ты был и чист и светел,
ребенок и поэт.
Тебя развеял ветер,
теперь ты просто свет.

Мерцай, наш мальчик милый,
как тихая звезда, —
и нету ни могилы,
ни гроба, ни креста...

Теперь ты с главным знанием
далёко-далеко.
Легко ли быть мерцанием
и светом быть — легко?

Выйду на Рублевское шоссе
И скажу: пошли вы на хер все.
Нежно так скажу, а не со зла,
Чтоб душа в пространство проросла.

Чтоб приснился человеку сон, –
Как он гол, как беззащитен он,
Что под Богом он стоит как все
На Рублевском,

Минском ли шоссе.

С кем я пью?

Все сползает в одну колею
И уходит, как винт по нарезке...
Ну не могут понять, что я просто люблю, –
Ни по-русски и ни по-еврейски.

Проводите оседлости злую черту
Через душу. А я без закуски –
Чтобы жить, не теряя улыбки во рту,
По-еврейски терпя

и по-русски.

Пускай оно пройдет как дым –
Я счастлив временем своим,
Поскольку в нем родные люди,
Мой воздух и моя вода,
Мои – хоть счастье, хоть беда, –
А больше их нигде не будет,
Не будет больше никогда...
И всяким – грешным и святым –
Я счастлив временем своим.

Пахнут почками тополя,
Пахнет строчками боль моя,
Пахнет нежностью и бедой,
Пахнет вечностью молодой.

Чуден гул российского простора –
Стой да слушай, слушай да люби:
Ветра свист, осколки разговора,
Песню про замерзшего в степи

Ямщика. И время не жестоко,
Будто бы и жизни не прошло.
Всё.

И без измены одиноко.

Всё.

И без надежды хорошо.

Точное дождинок попаданье
И сквозного ветра улю-лю...
До свиданья, друг мой, до свиданья, –
Я тебя не встретил, но люблю.

И напрасно или ненапрасно –
Ничего судьбе не говори...
Чуден гул родимого пространства,
Чуден свет, идущий изнутри.

Значит, что-то в сердце удержалось,
Что уже не выбить никому,
Если снова память или жалость
Делают родной любую тьму.

Проявление естества
И высокого доверья –
Начинается листва,
Продолжаются деревья,
И хмелеет голова,
И блаженствует погода,
И бессмертная трава
Молодеет год от года.

Я еще не расстался с тобой,
а тоска
По тебе тут как тут
и нежна, и близка.
Что за жадность – смотреть
и смотреть без конца
В дорогое лицо.
И не видеть лица.
Это ж надо такому случиться
в судьбе –
Тосковать по тебе,
при самой при тебе.
Но на мертвую память – живая вода, –
Я еще не расстался с тобой
навсегда.

Не видать ни неба, ни земли.
Только огонек дрожит вдали –
На земле? На небе? На воде?..
Но мерцает,
и не важно где.

И становится родною тьма,
И души хватает для ума –
Чистый огонек дрожит вдали...
Не видать ни неба, ни земли!

Холодный март.

Усталые морозы.

Прозрачная и скользкая слюда.

Ты задаешь счастливые вопросы:

Когда ж весна? –

Всегда, дружок, всегда.

А время снова двигает к апрелю.

А память снова тащит к февралю...

Как хорошо, что я тебе не верю –

А просто понимаю

и люблю.

Вроде было только-только...
Глядь, – а целой жизни нет.
Где ж ты бродишь,
Анька Токарь
Двадцати неполных лет.

То ли поздно, то ли рано.
День ли, век ли, мир таков?!
Я тебя не видел,
Анна,
Тридцать с хвостиком годков.

Через Винницу поеду –
Вот и вспомнил о тебе.
На беду ли, на победу –
Ты никто в моей судьбе.

Я в твоей никто. Но гадом
Буду, бросив все дела,
Если б знала, что я рядом,
Ты б встречать меня пришла!

Тонкою всплеснуть рукою
С непонятною тоской...
Я тебя не беспокою –
Ты меня не беспокой.

Через Винницу проеду, –
Повиниться не в чем мне...
Ты не жди меня к обеду
В чужедальной стороне.

Давай, мой друг, по двести грамм налей,
И да минует подлость стороною!
В чужой душе больнее, чем в своей,
Когда она становится родною.

Ты там один среди чужих теней,
Там беззащитно и темно до дрожи.
В чужой душе больнее, чем в своей...
И чем больнее, тем она дороже.

Мертвые листья на чистом снегу,
Строгие краски предзимья.
Все позабуду... Тебя – не смогу –
Рученьки, волосы, имя.

Смерть начинается. Боже ты мой!
Оклик живой, но напрасный.
Желтые листья летят надо мной,
В сердце нацелился красный.

Душу загубишь –
Жизнь ни на грошик ясней.
Ты меня любишь,
Что ж мне больней и больней?

Все без обмана –
Вот тебе храм на крови.
Что же мне мало
Даже счастливой любви?..

Тишина всегда права.
Онемею как трава.
И молчу слова свои
До печали, до любви.

Я любил тебя
еще в прошлом тысячелетье –
какие древности.
Почти античность,
а как будто вчера,
и привкус ревности
еще не выдохся
на моих губах –
чуть поветрился.
Я могу хоть сегодня
встретить твой взгляд,
но боюсь как выстрела.
Я любил тебя
еще в прошлом веке, –
поклон средневековью.
Смешная штука время –
ведь не успеешь
повести ты бровью,
а я – навстречу
живой
и невредимый.
Такой же, как и жизнь назад,
родной...
Да нелюбимый.

Подует ветер в сторону другую,
И дождь пройдет сквозь темень напролом.
Твое плечо не под моей рукою,
Моя печаль не под твоим крылом.

Мы больше не зависим друг от друга.
Родная дрожь в растерянных листьях.
Похолодало. Скоро вспыхнет вьюга.
И хорошо. Все на своих местах.

Так хорошо. Я память не ворую.
И только нежность растворю в крови.
Подует ветер в сторону другую
И я очнусь.

Я помню о любви.

Вспомнишь обиды свои,
Вечную тяжесть неволи –
Боже! Избавь от любви
Как избавляешь от боли...

Воля! И милости вновь
Равной и аду и раю
Просишь: верни мне любовь –
Я без нее пропадаю.

ПОЭТ

И любил он всю жизнь напролет, –
И одну, и вторую, и третью,
И шестую, чьи волосы с медью,
И восьмую, чьи очи как лед.
– Да любил ли? – Читайте, любил!
– А страдал? – Так читайте, страдает!
– Что ж так скоро он их позабыл?..
– Все забыли! Он не забывает.

Покуда мне бессмертье не грозит,
И смерть за мною бежит напрасно.
Но время так отчаянно сквозит,
Что жизнь непоправима и прекрасна.

Пока еще тепло в моих лесах,
Пока что сил и нежности хватает, —
Но женщина стареет на глазах,
И на глазах береза облетает.

Во мгле загадочно-родимой
Бродил, влюбленный и любимый...
И вновь брожу, гоня усталость, —
Любовь ушла, но мгла осталась.

И вновь на каждом на углу
Я обнимаю сердцем мглу
И призрак твой непобедимый
Во мгле загадочно-родимой.

ВЕЧЕРНИЙ ВАЛЬСОК

Где-то мелодия в сумерках теплится, –
Ветхий и Новый мой вечный завет,
Крутится-вертится,
 гаснет и светится,
 может быть, встретится,
 может быть, нет.

Я выхожу, и дела мои ладятся, –
Всюду прощающий, тающий свет –
 мгла переплавится
 в белое платье,
 сердце спохватится –
 было и нет.

Что же, прощай. Если музыка грезится,
Нет и обид до скончания дней.
 Только бы встретиться,
 Только бы встретиться,
 Только бы встретиться...
 Только бы с ней.

СОДЕРЖАНИЕ

«Какие были времена...».....	3
«Потерялась счастливая нота...».....	4
ПАМЯТИ ПОЭТА.....	5
«Я пойду, куда не знаю сам...».....	7
«Не кричите, певица...».....	8
РЕКИ.....	11
НОЧИ ДЕТСТВА.....	12
ЗАПАХ.....	13
«С ветром резким и мерцающим дождем.....	15
«Великоросская тоска...».....	16
«Помню яблоки – алый анис...».....	17
ВОСПОМИНАНИЕ.....	18
«Не осталось ничего, ничегошеньки...».....	19
«Я, наверно, очень старый человек...».....	20
«Ни Коли, ни Сережи...».....	21
«Не потешить бы вас, распотешить...».....	23
«Ночь за окнами ползет глухая...».....	24
«Над Волгой золотистый дым...».....	25
МОЛИТВА.....	26
«Обижали меня, обижали...».....	27
«Лампочка и мотыльки над ней...».....	28
СВОБОДА.....	29
«Без надежды и без коварств...».....	30
«День прошел и круг замкнулся...».....	31
ЗАЩИТА.....	32

ГОДОВЩИНА.....	33
«Пред мелодией живой...».....	35
«Тревожный гул пространства...».....	36
«Вселенная... Какое чудо!...».....	37
«Бедный мой, душевный человечек...».....	38
«Опять с недобритою рожей...».....	39
«Два еврея под окном...».....	40
ПАМЯТИ ОТЦА.....	41
МАЛЕНЬКАЯ СКАЗКА.....	43
«Родимые запахи, звуки...».....	44
«Вот и снова весной молодою...».....	45
ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ.....	46
«Я так люблю реки...».....	48
«Сверху солнышко нежно печет...».....	50
«Все пронизано светлой водой...».....	51
ЧУЖАЯ ВОДА.....	52
«Пусть ревет пространство: улю-лю...».....	53
«Убывающий цвет листопада...».....	54
«Ночь в октябре беспробудна...».....	55
«Все. Простились. И слова простые...».....	56
СЧИТАЛОЧКА.....	57
«Менты на экране и в жизни...».....	58
«Асфальт от листьев желт...».....	59
«Ребенок говорит: «БО-БО»...».....	60
«Над пустынной рекою светает...».....	61

«Живая строка у меня забылась...».....	62
«То ли листья шелестят...».....	63
«Здорово, муравьи...».....	64
«Слава Богу, на своих ногах...».....	65
ПЕРЕПИСЬ.....	66
«А где-нибудь в Нижнем Тагиле...».....	68
«Я пришел и увидел...».....	69
«Родная тишина и гул родимый...».....	70
«Пусть ничего не объяснишь...».....	71
«На душе как в юности тепло...».....	72
ХУДОЖНИК.....	73
«Пускаю пузыри из мыла...».....	74
ПЕЙЗАЖИК.....	75
«Все о'кей. Успеху – выше крыши...».....	77
«Никогда я не был лысый...».....	78
«У, какой на улице ветрище...».....	79
«Не верю. Не надеюсь. Лишь люблю...».....	80
«Возвращаться в любовь – безнадежно!..».....	81
«Куда нас, родная, с тобой занесло...».....	82
«Так хорошо, так больно на душе...».....	83
ИТОГИ.....	84
«Все слова, слова, слова...».....	85
ПАМЯТИ ИГОРЯ МЕЛЬНИКОВА.....	86
«Выйду на Рублевское шоссе...».....	87
«С кем я пью?...».....	88

«Пускай оно пройдет как дым...».....	89
ПОСЛЕДНИЙ ВАГОН.....	90
«Пахнут почками тополя...».....	91
«Чуден гул российского простора...».....	92
«Проявление естества...».....	94
«Какие серьезные вещи вокруг...».....	95
«Я еще не расстался с тобой...».....	96
«Не видать ни неба, ни земли...».....	97
«Холодный март. Усталые морозы...».....	98
«Вроде было только-только...».....	99
«Сажу я в кабаке...».....	101
«Давай, мой друг, по двести грамм налей...».....	102
«Мертвые листья на чистом снегу...».....	103
«Душу загубишь...».....	104
«Тишина всегда права...».....	105
«Я любил тебя...».....	106
«Подует ветер в сторону другую...».....	107
«Вспомнишь обиды свои...».....	108
«Давай потихоньку прощаться...».....	109
ПОЭТ.....	110
«Всего-то лишь толика знаний...».....	111
«Покуда мне бессмертье не грозит...».....	112
«Снова осень, бескрайняя осень...».....	113
«Во мгле загадочно-родимой...».....	114
ВЕЧЕРНИЙ ВАЛЬСОК.....	115

Литературное агентство В. Смирнова. Тольятти 2013
ИД № 00092 от 27.08.99.

СКОТНЕВСКИЙ БОРИС АБРАМОВИЧ
СТО ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ

РЕДАКТОР **В. МИСЮК**
КОРРЕКТОР **В. СМИРНОВ**
ХУДОЖНИК **М. ШЛЯПИНА**
МАКЕТ, ВЕРСТКА **В. МИСЮК**

Отпечатано в Димитровградской
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.

Заказ №

Подписано в печать 22.12.2012.

Формат 60x84 / 16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 7,5.

Тираж 500 экз.